

© 1994 г. А.И. ДОМАШНЕВ

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА ОБЩЕНИЯ В ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЕ

В эти последние годы завершающегося XX столетия и накануне нового тысячелетия, похоже, начинают сбываться лучшие надежды Жана Монэ¹ (Jean Monnet), которого собравшиеся в Люксембурге руководители стран Европейского Сообщества 2 апреля 1976 г. назвали "первым почетным гражданином Европы". Европа, на первых порах в своей западноевропейской ипостаси, т.е. в рамках ЕЭС, стоит перед своим решающим шагом в направлении к полной и всесторонней интеграции, на основе которой должны возникнуть, говоря словами У. Черчилля, "Соединенные Штаты Европы", что является, в соответствии с Римскими Договорами 1957 г., конечной целью Сообщества и чему посвятил все годы своей активной жизни Жан Монэ, заслуги которого высоко оценил бывший тогда федеральным канцлером ФРГ Г. Шмидт в предисловии к немецкому изданию книги Ж. Монэ "Воспоминания европейца", назвав его зачинателем или первопроходцем (Wegbereiter) в устремлениях к европейскому единению.

Г. Шмидт воспользовался возможностью высказаться в упомянутом предисловии к книге Ж. Монэ по поводу проблем, стоящих на пути к общей (gemeinsam) Европе. Он, в частности, выражал надежду, что многого можно добиться благодаря обычному "здравому смыслу" (англ. *common sense*) и подчеркнул тот факт, что Европейское Сообщество, несмотря на имеющиеся внутренние проблемы, как раз в экономически трудные времена обнаруживало "удивительную силу". Поэтому, продолжал он, никому не следует терять терпения в отношении Европы: "История имеет большой запас дыхания. Эпохальное дело объединения Европы требует своего времени" ("Die Geschichte hat einen langen Atem. Das epochale Werk der Einigung Europas braucht seine Zeit") [1, с. 14].

Однако по мере приближения времени действительного начала реализации выработанных в многолетних дискуссиях и договоренностях документов о полной интеграции и объединении Европы становятся все громче голоса тех, кто выступает в различных странах Сообщества против принятого ныне решения. Известный герман-

¹ Жан Монэ (Jean Monnet), родившийся 5.11.1888 г. в г. Коньяк (Cognac), во Франции, в семье виноделов и виноторговцев, отправившись в 16 лет впервые по делам фирмы на 2 года в Лондон, связал свою дальнейшую судьбу не только с расширением производства и продажи во всем мире знаменитого французского коньяка, но и с неутомимой деятельностью, направленной на постепенное сближение различных народов Европы между собой путем объединения их материальных ресурсов, далее – политических институтов различных государств, а затем и объединения народов этих стран. "Человек, который придумал Европу", как его называли собравшиеся в Люксембурге главы стран Европейского Сообщества 2.4.1976 г., не был ни мечтателем, ни фантазирующим идеалистом. Напротив, будучи опытным и трезво мыслящим торговцем и банкиром, он твердо уверовал в то, что угрожающие народам кризисы и войны можно преодолеть, если эти народы самым тесным образом сплотятся друг с другом и будут стоять друг за друга. Обычного сотрудничества и координации для этого недостаточно. Ж. Монэ не был ни дипломатом, ни политиком, но и в период между двумя мировыми войнами и, в особенности, после Второй Мировой войны, он принимал самое непосредственное участие в разработке и реализации различных проектов международного сотрудничества, общался с общественными и профсоюзными деятелями, промышленниками, настойчиво пропагандируя свои идеи о необходимости полного объединения Европы. В этом смысле Де Голль был его самым большим противником, поскольку главная цель для Ж. Монэ состояла в том, чтобы преодолеть принцип возрождения Европы как совокупности национальных государств. Его идеал – это объединенная Европа европейцев, а не "отечество" ("Vaterländer").

ский журналист Д. Вильд (D. Wild), который после первого "нет" датчан и французского "ни да, ни нет" (нем. *Ja/nein* – контаминация из *ja/nein*, т.е. "да/нет") по поводу Маастрихтских соглашений в своем эссе в журнале "Шпигель" назвал эти негативные настроения "еврофобией" (*Europhobie*), попытался представить весь "антиевропейский фурор", который все более разрастается, в свойственной ему фельетонной манере как "следствие необоснованных страхов утраты своей идентичности": "Тут вдруг вспомнили датчане и немцы, французы и британцы после многих лет экономической интеграции о своей "идентичности" и стали сражаться, подобно Лаокоону, с прожорливым питоном Брюсселем, который, якобы, хочет их проглотить" [2, с. 37].

Звучавшие на протяжении десятилетий "клятвы" европейцев в их верности европейскому единству оказываются, по словам Д. Вильда, "лицемерными заверениями", поскольку такие действительно определяющие идентичность личности различия, как язык, культура, история не будут отняты никаким европейским сообществом у входящих в него народов, в то время как "социальные структуры" в западноевропейских государствах (урбанизация жизни, промышленность, занятость населения, социальный характер государства, профсоюзы, массовая информация) взаимно сблизились, а качество жизни городов стало "почти одинаковым" при сохранении традиционных особенностей, так что люди в каком-нибудь местечке Цвизель в Баварском лесу вовсе не должны жить как-нибудь иначе, чем жители в Парэ-ле-Мониаль в Бургундии, если не придавать внимания тому факту, что одни при этом отдают предпочтение пиву, а другие скорее вину [2, с. 37].

Повторное голосование в Дании, обеспечившее формальное одобрение Маастрихтских соглашений теперь уже во всех странах ЕЭС, свидетельствует о том, что, несмотря на наличие определенных различий, среди граждан Сообщества укрепляется сознание того факта, что только Соединенные Штаты Европы смогут преодолеть все недостатки ЕС и покончить с продолжающимся столетия европейским партикуляризмом. Тем самым они готовы признать, что их страны должны будут утратить некоторые из своих компетенций и определенную часть своего суверенитета, но ничего из того, что составляет их естественную самобытность и идентичность, к чему в первую очередь относится собственная культура и язык. Так, говоря о языке, приходится отмечать, что многие европейские народы и этносы в ходе исторических процессов понесли немалые потери в такой мере, что некоторые идиомы либо вовсе исчезли с лингвистической поверхности, либо в своих социальных функциях не могут более обходиться без помощи других языков. Так, ретороманцы Швейцарии, несмотря на то, что их язык признан одним из четырех (наряду с немецким, французским и итальянским языками) национальных языков страны, вынуждены пользоваться преимущественно немецким языком, если им приходится обращаться в официальные инстанции и учреждения кантона Граубюнден, где они проживают компактно, или если они хотят получить профессиональную подготовку и высшее образование. Даже италошвейцарцы, которые имеют в Швейцарии собственную национально-административную территорию (кантон Тэссин) и язык которых является, таким образом, одним из национальных и официальных (государственных) языков страны, вынуждены владеть либо немецким, либо французским языком, если захотят получить высшее образование, так как в Швейцарии нет италоязычного университета [3, с. 151]. Иной случай представляет собой языковая ситуация в маленьком центральноевропейском государстве Великом Герцогстве Люксембурге, где наряду с местным люксембургским (летцебургским) языком, с недавних пор провозглашенном государственным языком страны, в качестве официальных традиционно используются два других языка (французский и немецкий), которые в определенной социально релеватной последовательности настолько укрепились в своем общественном функционировании, что без них сегодняшний Люксембург просто невозможно себе представить [4, с. 188]. Еще в 1953 г., когда летцебургский язык еще рассматривался в качестве местного диалекта, используемого для целей повседневного общения, люксембургский германист Р. Брух писал: "Хотя диалект является единственным средством выражения в повседневном

языковом общении, немецкий язык не менее, чем французский, воспринимается внутри наших границ в качестве чужого пришельца (Fremdling). Однако как только нам приходится писать или читать, мы всегда делаем выбор между этими культурными языками: мы одноязычны в устной речи и двуязычны в письменном языке. (Те из нас, которые используют в письменной речи и диалект, изобрели понятие "трехязычности".)" [5, с. 95].

Поскольку в Люксембурге нет собственного университета, то жителям страны приходится принимать самостоятельное решение о языке обучения и, соответственно, стране пребывания (Бельгия или Франция – с французским языком, на котором преимущественно осуществляется обучение в старших классах средней школы и в самом Люксембурге, либо Германия – на основе немецкого языка, на котором происходит обучение в школе I ступени (неполная средняя школа), и историческим диалектом которого является ныне государственный летцебургский-люксембургский язык), хотя нередко сами люксембуржцы на вопрос о своей языковой компетенции в области упомянутых языков обучения отвечают, что не чувствуют себя достаточно уверенно ни в одном из них. Люксембургский педагог и филолог П. Грегуар (Pierre Grégoire) в связи с этим писал, что постоянные поиски языкового средства для выражения духовных национальных ценностей и идей сказываются на качественной стороне духовной жизни народа. Это беспрестанное стремление справиться с избранным языком творчества и чувство неуверенности и "полускрываемой неспособности" он сравнивает если не с "отрывом от источников питания корней" (Wurzellosigkeit), то с "разрыхлением" или "ослаблением" этих связей (Wurzellockerung) [6, с. 36].

При рассмотрении имеющихся в сегодняшней Европе утрат языковой идентичности мы еще не коснулись проблемы национально-этнических меньшинств, которые проживают компактными группами на окраинах иноязычных государств или образуют этнические "острова" внутри иноязычного большинства того или иного государства. Этно-национальная языковая идентичность таких групп населения зачастую оказывается под угрозой и зависит всегда от того, какие права на сохранение и поддержание национально-этнической культуры им гарантирует соответствующее государство. Так, во Франции, помимо французов, составляющих примерно 9/10 всего населения страны, имеются национальные меньшинства – эльзасцы, бретонцы, фламандцы, корсиканцы, каталонцы, баски (всего около 3 млн.ч.) [7, с. 512], сохраняющие свои языковые и бытовые различия. Однако право на культурно-языковую автономию реализуется практически в столь ограниченных формах, что даже крупные национально-этнические группы не имеют возможности получить хотя бы школьное образование на родном языке. Так, баскский, каталонский или корсиканский языки допускаются в школе только в качестве факультативных предметов. Во Франции проживают в компактных регионах около 1,2 миллионов говорящих на алеманнском диалекте эльзасцев и на мозельско-франкском диалекте лотарингцев [8, с. 279], однако ни их родной диалект, ни немецкий литературный язык, частью которого эти диалекты являются, не служат языком обучения даже в сельских школах, где местное население в повседневной жизни общается между собой на своем диалекте. Даже в качестве языка литургии положение немецкого языка было еще в 50^е–60^е гг. вполне стабильным, однако в настоящее время в городах и крупных населенных пунктах во время богослужения наряду с немецким все чаще используется французский язык, который становится также все больше и языком, используемым на занятиях в школе по религии, хотя ранее эти уроки осуществлялись, как и при богослужении в церкви, на немецком языке [9, с. 10]. Отношение к родному языку эльзасцев и лотарингцев со стороны властей не улучшилось и в более позднее время. Так, эльзасский германист Ф. Гартвег в начале 80^х гг. писал о том, что в Эльзасе происходят не языковые изменения и преобразования (Sprachwandel), а процесс языковой подмены (Sprachersetzung), когда унаследованный язык в общем функциональном регистре использования языков отесняется языком, наделенным престижем политического и культурного значения [10, с. 97]. Эта сознательно проводимая политика в отношении языков национальных

меньшинств во Франции приводит к тому, что организуемые путем местной инициативы на уровне общин попытки ввести, например, факультативное изучение немецкого языка, оказываются безуспешными. По-прежнему французский язык является единственным средством использования во всех сферах общественной жизни, тогда как диалекту остается узкий круг семейного общения или с соседями "через плетень", а немецкий литературный язык оказывается вообще "не востребованным": "С точки зрения языка эльзасец все еще сидит между тремя стульями и в известном смысле оказывается "лингвоущербным" ("Sprachbehinderter")... Поскольку немецкий литературный язык в устном и, в значительной степени, в письменном общении потерял всякое значение, то мы находимся в действительности в условиях асимметрической диглоссии, в которой один компонент, французский язык, обнаруживает свой экспансивный характер, а другой – унаследованный диалект – "загнан в оборону" (in Defensive gedrängte...), хотя для многих все еще остается первичным языком, в рамках которого происходит и опыт социализации личности" [10, с. 109].

Безусловно в таком языковом ригоризме в этих районах Франции следует видеть следы той антифранцузской языковой политики, которую проводили здесь нацисты в период оккупации Эльзаса и Лотарингии, как и других областей Франции, в период 2-ой Мировой войны, когда франкоязычное население изгонялось из этих мест, а французский как официальный язык и средство общения в школе был почти полностью вытеснен немецким языком. Сложная ситуация в языковом и национальном плане наблюдалась в этот период и в Люксембурге, местное население которого, как отмечалось выше, говорит на летцебургском языке, имеющем общие исторические корни с мозельско-франкским диалектом Германии (р-н Трира и Кобленца). Рассматривая люксембуржцев по этой причине в качестве немцев, нацистские идеологи решили получить этому подтверждение путем референдума о немецком как родном языке люксембуржцев, диалектом которого и является летцебургский. Однако известно, что его устроители желаемого результата не получили, так как многие жители его бойкотировали, либо вписали в листки летцебургский в качестве своего родного языка. Кстати, именно из-за такого давления со стороны нацистских властей на люксембуржцев в послевоенное время немецкий язык перестал считаться в Люксембурге первым официальным языком, уступив эту роль французскому языку, а в 1984 г. летцебургский язык был провозглашен национальным (государственным) языком, тогда как французский сохранил свой статус основного языка официальных документов и законодательных актов. Немецкий, наряду с французским, используется в деловом общении, в юриспруденции, при обучении в школе [4, с. 187–188; 25, с. 60–61, с. 535].

Одним словом, в современной Европе уже происходили многие процессы, делающие ныне европейские народы и этносы столь чувствительными ко всему, что затрагивает такие их важнейшие свойства и сущности, как культура, история и язык. В этих условиях фундаментальные изменения в привычных формах их традиционного существования, которые может принести с собой создание Соединенных Штатов Европы (независимо от того, как это новое образование будет называться), не должны касаться именно этих упомянутых выше сфер жизни людей, казалось бы, что именно это и происходит, ибо со всех сторон высказываются обещания, что идентичность отдельных языков, как некая созокупность особенностей и отличительных черт никоим образом не будет намеренно сглаживаться и нивелироваться. Между тем техническая цивилизация, массовая культура и другие, преимущественно, заокеанские импорты уже прошли в равной мере по странам Европы почти как катком, так что не приходится удивляться, если становится известным, что та или иная страна в решающий момент высказывает свое сомнение в целесообразности такой формы интеграции или даже делает попытки, или проявляет склонность отказаться от выказанного согласия. Говоря в этом смысле о культурно-языковой судьбе европейских народов, следует напомнить, что так называемые "языковые войны" и в Европе происходили постоянно и совсем еще недавно, если вспомнить накал страстей в

процессе образования франкоязычного кантона Юра в Швейцарии (1978 г.), либо недавний процесс федерализации по принципу языков (валлонский, фламандский) в Бельгии, в основе которых лежат как культурно-исторические традиции, так и, в большей мере, социально-экономические процессы в данных странах, когда язык становится чуть-ли не последним бастионом, который необходимо удержать в своих руках при всех обстоятельствах (на самом деле за всем этим стояли общественно-экономические причины и обстоятельства). Именно поэтому в последнее время, по мере приближения новой точки отсчета в жизни стран ЕЭС, наряду с нарастающим уровнем политических дискуссий относительно контуров и конкретных форм политического объединения стран-участниц в "государство государств", резко возрос интерес и к вопросам языкового обустройства создаваемого сообщества, хотя весь накал борьбы еще не приводит к возведению новых оборонных линий Мажино. Напротив, многие в странах ЕЭС сегодня вполне согласны с тем, что образование супранационально-государственного объединения на основе упомянутых стран Западной Европы не может обойтись без взаимного языкового сближения людей, хотя никто не ставит однозначно вопрос таким образом, что срастание европейских национальных культур должно означать также и языковое срастание этих народов. Речь, следовательно, идет о том, что по чисто прагматическим причинам нельзя оставить без внимания вопрос о том, сохранится ли в объединенной Европе прежнее многоязычие (языковая полифония) или для целей общения в этих пределах могут быть приняты несколько региональных или один общий язык, что не затрагивало бы функции и статус национально-государственных языков нынешних государств. Тем самым выдвигается идея, для которой практически нет аналогов в современном мире, так как речь идет о высокоразвитых культурных государствах с их равнопоставленными культурными языками, которые, с одной стороны, не должны понести никаких социо-функциональных потерь, и тем не менее не могут одинаково равноценно функционировать на репрезентационном уровне всей объединенной Европы. Представление о таком новом языковом Вавилоне может еще более усложниться, если принять во внимание, что круг государств-основателей интегрированной Европы в будущем может заметно расшириться за счет стран Восточной Европы благодаря тем демократическим общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям, которые в них происходят. Одним словом, нет ничего более ошибочного, чем предположение, что языковые проблемы, с которыми столкнется Объединенная Европа, имеют примерно такой же характер, как это было в таких многонациональных странах или союзных государствах, как США, Советский Союз, Канада, Швеция или Бельгия [11, с. 9].

Так, в США с их национально-этнической и языковой политикой "плавильного котла" (melting-pot) имеется только один официальный язык – англоамериканский, хотя другие национально-этнические группы, например немцы, мексиканцы, составляют многочисленные компактно проживающие сообщества, в районах расселения которых этнический язык используется только в повседневном общении в узком кругу семьи и ближайшего этнического окружения. Допускаемые в отдельных регионах страны программы двуязычного (т.е. с использованием этнического и английского языка) обучения в государственных школах должны "заключаться в том, чтобы как можно быстрее и эффективнее обучать детей английскому языку", а для любого "отдельного учащегося двуязычное обучение должно служить переходной стадией" путем отказа в пользу английского языка. Таким образом, принцип американской политики в отношении языков национально-этнических групп населения США заключается в том, что политика, "направленная на удовлетворение прав меньшинств, лишь тогда обретает всеобщую поддержку, когда она выражается в действиях, поддерживающих доминирующую концепцию американской общности, а не разрушающих ее" [12, с. 65].

В Швейцарии, напротив, нет единого государственного языка, поскольку все четыре языка (немецкий, французский, итальянский, ретороманский) имеют статус национальных, из которых первые три одновременно признаны государственными (официальными) языками страны. Так называемые германошвейцарцы (около 73,6% на-

селения страны, 1980 г.) составляют этническое большинство, однако немецкий язык не имеет никаких функциональных преимуществ и не используется как средство внешней репрезентации государства. Численно наименьшая этническая группа населения – ретороманцы (около 1% населения, 1980 г.) пользуются в повседневной жизни своим родным языком, который имеет и письменную форму, однако при обращении в инстанции, поскольку они проживают в основном на территории немецкоязычного кантона Граубюнден, они вынуждены пользоваться немецким языком, который им также необходим в целях социального и профессионального продвижения. Среди представителей других этнических групп населения страны, в особенности среди итало- и франкошвейцарцев, достаточно развито индивидуальное двуязычие, преимущественно с участием немецкого языка, поскольку такие крупнейшие центры страны, как Цюрих, Берн, Люцерн, Базель находятся на территории распространения немецкого языка. Достаточно широко развито двуязычие и в регионах языкового схождения; есть также объявленные зоны двуязычия, например, г. Фрибур, где в местном университете имеются группы студентов, образованные по принципу языка. Все это свидетельствует о том, что опыт многоязычной Швейцарии, являющейся одним из самых устойчивых федеративных государств, может говорить только в пользу отказа в создаваемой новой Европе от попыток жесткой языковой институционализации.

Ссылка Р. Пфромма на Бельгию [11] еще менее состоятельна, поскольку здесь речь идет, главным образом, о двух этнических компонентах населения страны. Сложность ситуации заключается, возможно, лишь в том, что округ столицы страны Брюссель, географически расположенный на территории говорящих на нидерландском языке фламандцев, составляющих около 57,1% (1982 г.) всего населения, является преимущественно франкофонным, хотя считается городом объявленного двуязычия, тогда как говорящие на французском языке валлоны (около 32,7% населения страны, 1982 г.) безусловно получают постоянную поддержку статуса своего языка благодаря языковому "тылу" во Франции, к границам которой примыкает ареал расселения валлонов, а также благодаря роли французского языка как средства международного общения (роль французского языка в ООН, ЕЭС и в различных международных организациях и учреждениях). Проживающие в Бельгии этнические немцы (около 65 тыс. человек, 1982 г.) используют немецкий язык не только в повседневном общении, но и в качестве делового языка в пределах этнической общинной территории (*regionale Amtssprache*) [8, с. 243], однако есть основания считать, что многие из них владеют также и французским языком, поскольку ареал расселения этнических немцев Бельгии, примыкающий к границам Германии и Люксембурга, находится в непосредственном контакте с территорией основного проживания франкоязычных валлонов [13, с. 98], в состав территории которых они ныне и входят.

На территории бывшего Советского Союза, на опыт решения политико-языковых проблем в котором ссылается Р. Пфромм, русский язык являлся родным для большей части населения всей страны: в исторических условиях образования России и существования СССР он, безусловно, широко использовался на территориях национальных республик страны и национально-этнических автономий в пределах Российской Федерации. Несмотря на это фактическое положение вещей, он не был объявлен государственным языком страны, тогда как во всех 15 союзных республиках СССР языки соответствующих наций были либо официально, как в Грузии, объявлены государственными языками, либо являлись таковыми без всяких формальных уложений. Во всех республиках были созданы национальные академии наук, имелись университеты, высшие и средние школы с преподаванием на родном языке, который являлся не только языком обихода, но и официального, делового общения. Конечно, в условиях интенсивной производственной экономической интеграции и сращения всех сфер жизни людей на совокупном пространстве страны, в условиях свободного перемещения людей из различных регионов в любые другие центры по трудовым, а также личным или семейным причинам, в целях получения образования в престижных вузах Москвы, Ленинграда, Киева и других центров, наблюдалась постоянная флук-

туация в национальных структурах населения. Все это привело к уплотнению многонационального характера населения многих союзных республик. В этих условиях возрастала роль русского языка как средства общения населения в таких регионах или городах, подобно тому, как он уже стал языком общения в экономической, политической, культурной жизни людей в пределах всего Союза.

Интеграционные процессы в стране казались настолько прочными и глубинными, что идеологической пропагандой был подхвачен тезис философов-обществоведов о сложении советского народа как новой исторической, социальной и интернациональной общности людей, имеющих единую территорию, экономику, "единую по социалистическому содержанию и многообразную по национальным особенностям культуру, федеративное общенародное государство и общую цель – построение коммунизма" [14, с. 621]. Впрочем, такое наднациональное единение народов не следует рассматривать ныне только с позиций факта распада единой страны на крутом изломе ее истории, что должно якобы только подтвердить ее искусственный или, тем более, имперский характер. С другой стороны, следует напомнить, что никогда вопрос не ставился таким образом, чтобы в конечном счете, по аналогии с "плавающим тигелем" американской нации, выплавить единую советскую нацию. При этом нельзя отрицать и заметного сближения различных наций и народов страны, включая развитие межнациональных браков, что, безусловно, имело определенные демографические последствия. Так, если в 1970 г. таких браков в целом по стране было 7,9 млн., или 13,5% общего числа новых семей, то в 1979 г. – 9,9 млн., или 14,9%. Еще больше смешанных браков (каждый второй) наблюдалось среди жителей новых районов освоения, в северных областях Казахстана, в Сибири и др. районах. Следует также отметить, что интенсивность перемещения лиц различных национальностей была неодинаковой. Наибольшая интенсивность была характерна для русских, украинцев, белорусов, эстонцев, латышей, литовцев, в то же время представители коренных национальностей республик Средней Азии отличались низкой миграционной подвижностью [7, с. 246], тогда как и в эти регионы страны, в связи с осуществлявшимся там экономическим развитием, прибывало большее количество русских и русскоязычных переселенцев. В некоторых республиках, в особенности в крупных городах и экономических центрах, русскоязычное население составляло от 30% до 40%, либо находилось в пропорции 1:1 и выше. В языковом отношении эти и другие процессы приводили к тому, что русский язык укреплялся здесь в своем употреблении в различных сферах общественной жизни в такой мере, что в ряде союзных республик (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Азербайджан) стал рассматриваться, по крайней мере в официальных пропагандистских политических документах, в качестве второго родного языка. Близкородственные отношения русского, украинского и белорусского языков отразились, в частности, на том обстоятельстве, что в столицах и крупных городах Украины и, в особенности, Белоруссии в вузах и даже в школах преподавание осуществлялось не на родном, а преимущественно на русском языке. Подобный языковой нигилизм в целом оправдывался тем обстоятельством, что русский язык в качестве одного из мировых языков обеспечивает прямой доступ к участию во всех важнейших процессах во всех сферах общественной жизни, а многие представители национальных элит тем самым нередко вообще утрачивали связь со своим национальным языком. Вместе с тем данные переписи населения 1989 г. подтверждали наличие двух взаимосвязанных тенденций: с одной стороны, происходило дальнейшее расширение двуязычия со вторым русским языком, с другой – и 25-миллионное русское население, проживающее в союзных республиках, приобщалось к языкам национальностей, образующих союзную республику [16, с. 5].

Особенно актуальными языковые проблемы являлись для представителей малочисленных национально-этнических групп, общее количество которых, например в Российской Федерации, в соответствии с переписью населения в 1989 г., составляло 129 народов (еще 54 названы в дополнительном списке, которые ранее практически не упоминались: ингерманландцы, вепсы и др.). Среди официально признанных 26 мало-

численных народностей Севера (алеуты, долганы, ительмены, коряки, нигидалыцы, ненцы, ороки, удегейцы, чукчи, эвенки и др.), общее количество которых составляет примерно 183.700 человек (1989 г.), имеются такие, численность которых составляет 35000 (ненцы), тогда как такие этнические группы, как алеуты, ороки, нигидалыцы тофалары, энцы, насчитывают от 200 до 700 человек [15, с. 13]. В силу целого ряда причин, которые оказываются для различных национально-этнических групп нередко различными (малочисленный характер этнической группы, рассеянное проживание людей общей этнической принадлежности и др.) на протяжении последних десятилетий происходило преимущественно снижение числа представителей этих народностей, считающих родным языком язык своей национальности. Если в 1959 г. из 3717 нивхов 76% считали родным языком язык своей национальности, то в 1989 г. из 4700 человек только 23% (т.е. 30% от числа лиц в 1959 г.) считали родным языком язык своей национальности [15, с. 47]. Степень владения родным языком в большинстве районов Севера связана с возрастом носителей: старшие еще составляют группу, для которой основным языком общения является национальный язык, а младшие, напротив, ориентированы на язык более крупного этноса, как правило, русский. Наблюдающееся снижение числа представителей этих народностей, считающих родным языком язык своей национальности, связано как миграционными процессами на Севере, в том числе и за счет коренного населения, выезжающего в другие места, так и путем интенсификации процесса "не плавного" перехода от двуязычия к одноязычию уже на основе русского языка [15, с. 46].

Во многих автономных республиках Российской Федерации, статус которых в последнее время претерпел принципиальные изменения, и которых в России насчитывается 21 (Татарстан, Чувашия, Мордовия, Удмуртия, Калмыкия, Тува, Дагестан, Коми, Якутия и др.), национальные языки возведены в ранг государственных языков, хотя русский язык, объявленный законодательно лишь в недавнее время государственным языком, продолжает оставаться во всех субъектах Федерации общенациональным языком общения [17, с. 8]. Этому способствует то обстоятельство, что в ряде республик Федерации "титовые нации" не составляют большинства населения и, наряду с русскими, здесь постоянно проживают представители как соседних республик, так и из других бывших союзных республик, ныне имеющих суверенную государственность (украинцы, азербайджанцы, грузины, армяне). Так, в Башкирии (Башкортостан) башкиры составляют лишь 21,9% населения, русские – 39,3%, татары – 28,4% [17, с. 9], а остальные примерно 10,4% составляют лица других национальностей. При этом в качестве родного русский здесь назвали 1725,7 тыс. жителей (1979 г.), в том числе 178,9 тыс. лиц нерусской национальности. Помимо этого русский в качестве второго языка назвали еще 1498,8 тыс. жителей нерусской национальности, так что из общего количества жителей Башкортостана (3850 тыс. человек) 3224,5 тыс. жителей назвали русский либо единственным, либо вторым своим языком [7, с. 30]. Однако и в других республиках, в которых "титовые нации" составляют большинство (более 50%), русские составляют около или более 1/3 населения. Так, в Туве тувинцы составляют 64,3%, русские – 32%, в Чувашии чуваша составляют 67,8%, русские 26,7%, татары – 2,7% [17, с. 9]. Таким образом, условия, в которых складывался статус русского языка как языка национального большинства как всей страны в границах бывшего Союза, так и в пределах Российской Федерации, не имеют ничего общего с тем положением, в котором находится любой из языков стран ЕС, если пытаться по этой аналогии обосновывать свои предложения относительно какого-либо единого средства языкового общения в пределах объединенной Европы.

Нынешнее Европейское Сообщество, которое стремится стать Соединенными Штатами Европы, представляет сегодня, как хорошо известно, многоязычную область, "титовые нации" государств которой представлены развитыми культурными языками, обладающими максимальными общественными функциями. Наряду с этим в Западной Европе есть языки с так называемым подавленным статусом, т.е. они используются практически лишь в пределах семейного либо общинного общения,

оставаясь при этом в центре внимания при национально-этнической идентификации и самоопределения: фарерский (главным образом в Дании), фризский (в Нидерландах и в северных р-нах ФРГ), группа вариантов ретороманского языка: ретороманский (в кантоне Граубюнден Швейцарии), тирольский ретороманский (обл. Трентино-Альто-Адидже, Италия) и фриульский (обл. Фриули-Венеция-Джулия, Италия), язык говорящих на алеманнском диалекте эльзасцев или на мозельско-франкском диалекте лотарингцев (Франция), а также, собственно, и государственный язык Люксембурга – летцебургский (люксембургский), поскольку максимальные общественные функции здесь выполняют французский и немецкий языки.

Среди языков стран нынешнего Европейского Сообщества, имеющих признанный международный авторитет, в особо сложной ситуации, очевидно, в результате германского "следа" недавнего исторического прошлого в Европе и во всем мире, оказался немецкий язык, обладающий, как известно, в Западной Европе, наибольшим числом носителей. В то время как английский и французский языки благодаря их роли в созданной в 1945 г. ООН укрепили свой международный статус и авторитет, к которым в качестве третьего делового (официального) языка в 1948 г. присоединился испанский язык, немецкий язык, по понятным причинам, там не был вообще представлен и был допущен в 1975 г. к использованию в качестве "полудокументального языка"² (Semi-Dokumentarsprache) [18, с. 6], после того как оба германских государства того времени (ФРГ и ГДР) в 1973 г. были одновременно приняты в число членов ООН. В рамках ЕЭС, как это явствует из Римских Договоров 1957 г., все национальные языки стран-участниц должны рассматриваться в качестве равноценных официальных языков (Amtssprachen), однако практика ЕС характеризуется тем обстоятельством, что в штаб-квартирах Сообщества в Брюсселе и Люксембурге фактически обходятся лишь двумя языками – английским и французским, хотя и "федеральный канцлер, и его министры по делам экономики и германские чиновники (Kabinette) в Брюсселе уже давно требуют, а в настоящее время – все чаще, настойчивее и громче, ввести (etablieren) немецкий, наряду с французским и английским языками, в качестве рабочего языка ЕС" [19, с. 165]. Правда, как отмечает известный германский социоллингвист У. Аммон в последнее время все заметнее видны признаки того, что положение немецкого языка в органах и комитетах ЕС "несколько укрепляется", о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что с апреля м-ца 1990 г. все заявления европейских комиссий для прессы публикуются, помимо французского и английского, и на немецком языке [20, с. 82]. Одним словом, значение того или иного языка не всегда зависит от формального статуса и определяется скорее тем, в какой мере тот или иной язык фактически используется и как к этому относятся сами говорящие на таком языке. Цитировавший уже ранее германский политолог Р. Паке (Ruprecht Paqué) в этой связи замечает, что тот, кто, находясь в учреждениях, подобно брюссельским и люксембургским кабинетам ЕС, где немецкий является официальным языком, в служебном и приватном общении со своими коллегами говорит только по-французски и по-английски и не пытается даже одним словом приветствия узнать, не понимает ли его собеседник немецкий язык или "проявляет готовность обучиться ему или потренироваться в нем", не должен удивляться, если затем в журналах ЕС и даже в независимых изданиях, наподобие журнала "Economist", высказывается предложение ограничиваться в практическом деловом общении в ЕС английским и французским языками, вместо того, чтобы "по крайней мере" пользоваться "тремя западно-европейскими языками общения – английским, французским и немецким языками" [18, с. 7].

² Статус "язык документов" в ООН имеют такие языки, с которых и на которые не осуществляется в официальном порядке устный перевод, однако на такие языки, как и на все официальные языки ООН, осуществляется перевод документов и резолюций Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и годовые доклады примерно 50 органов, комитетов и подкомитетов ООН. Поскольку при этом на немецкий язык переводятся не все из перечисленных материалов, а лишь только выборочные документы, то такой статус немецкого языка определяется в качестве "полудокументального языка" (Semi-Dokumentarsprache) [18, с. 7].

В этом смысле обращает на себя внимание то несколько странное обстоятельство, что многие представители немецкой элиты сами готовы к тому, чтобы отказаться от своего языка в общении за пределами Германии в пользу английского. Безусловно, такое наблюдение не имеет ничего общего с такими ироническими суждениями, которые приписывают одному из бывших французских премьеров, согласно которым распространению родного языка можно способствовать тем, "чтобы не говорить ни на каком другом языке" [21, с. 17]. Дело в том, что многие немцы, подобно некоторым голландцам или датчанам, языки которых и в самом деле менее распространены в мире, приезжая, например, в Россию для деловых переговоров или на научные конференции, пытаются непременно пользоваться в общении со своими российскими партнерами английским языком, либо услугами переводчика с английского, тогда как переводчики немецкого языка здесь имеются, как говорится, в любом количестве. Между тем они могли бы по крайней мере избавить самих себя от трудностей или неудобств пользоваться неродным языком, если их собеседник, как может выясниться, не владеет соответствующим иностранным языком и вынужден в любом случае пользоваться услугами переводчика. При подобных наблюдениях нельзя отделаться от впечатления, что некоторые немцы считают принадлежностью к хорошему социальному стилю использование английского языка, если они находятся даже не в англоязычном окружении. Таким образом, такие немцы могут невольно способствовать тому, что их язык постепенно исчезнет из сферы международного общения или, во всяком случае, это не упрочит его функциональное положение, с чем, как представляется германскому дипломатическому чиновнику и политологу Б. Витте (Barthold Witte), некоторые немцы "смирительно согласились" [22, с. 233] или, как заключает руководитель зарубежной редакции Баварского телевидения, модератор программы "Weltspiegel" и германист Ф. Штарк, у некоторых немцев имеются "проблемы в нормальном отношении к своему родному языку" [21, с. 17].

Общее снижение роли немецкого языка в международном языковом распределении в период между двумя Мировыми войнами и, в особенности, после Второй Мировой войны, оказало свое отрицательное воздействие и на его функцию как языка науки, где эта роль всегда была достаточно высока. Известный германист Г. Вайнрих (Harald Weinrich) в этой связи излагает свое представление о том, как этот эффект может достигаться целенаправленными действиями: "Однако, когда я постоянно слышу стереотипный аргумент о том, что ныне публикацией на немецком языке просто более невозможно пробиться (erreichen) до "научного сообщества" (англ. scientific community), тогда я задумываюсь над тем, действительно ли такой коллега стремится к международному (weltweit) общению ученых или только хочет импонировать небольшой элите исследователей, которые как раз владеют монополией на распределение престижей в той или иной области науки и, естественно, "сидят" (sitzen) в трех или четырех эпицентрах в других странах. Утверждение о том, что все написанное не на английском языке в науке просто не читается, хотя, пожалуй, и соответствует фактам в некоторых ее отраслях, однако служит для некоторых нередко защитным оправданием, когда они, перед лицом и без того угрожающе нарастающей информационной лавины, охотно ищут простые критерии, чтобы сходу отклонять большие части этого информационного предложения, не подвергая себя, тем самым, опасности упреков по поводу неполноты научной документации" [23, с. 309–310].

В одной из своих более ранних публикаций Г. Вайнрих, говоря о почти "мизерабельном" положении немецкого языка в Европе и в мире, когда английский язык стал универсальным средством общения, с горькой иронией замечает, что тот, кто рассчитывает в своих исследовательских достижениях на получение Нобелевской премии, должен публиковать свои научные доклады сразу на английском языке, иначе результаты его исследований окажутся бесполезными (wertlos) в тот самый момент, когда они, "выходя из-под немецкого пера, увидят свет" [24, с. 42].

Если в странах ЕЭС, говоря о будущем языкового обустройства Сообщества, упоминают три функционально наиболее важные языка, которые могут претендовать

на роль единого языка общения в будущей полностью интегрированной Европе, то, безусловно, наибольшие шансы стать таким европейским *lingua franca* имеет английский язык, поскольку он, действительно, наиболее распространен в современном мире и стал как бы *par excellence* международным языком или, говоря словами У. Аммона, "мировым языком нашего времени" ("Englisch ist die derzeitige Weltsprache...").

Отрицать доминирующую роль "англо-американского языка" в современном мире совершенно не приходится, так как никакой другой язык в мире в настоящее время не обладает аналогичным уровнем его международных функций. Так, отмечая, что хотя немецкий язык и относится к числу десяти, а может быть и пяти наиболее распространенных языков в мире, У. Аммон одновременно подчеркивает, что "интервал отставания" немецкого языка от английского оказывается колоссальным (enorm), а общее количество его международных функций оказывается намного меньшим [25, с. 567]. Одновременно многие социолингвисты и политологи высказывают сомнение в том, что какое-либо современное европейское национальное сообщество окажется готовым вступить в какой-либо "специфический союз" с каким-либо иностранным языком. Во всяком случае, говоря об этом, У. Аммон подчеркивает, что подобные трудности могут возникнуть у немцев и нечто похожее следует ожидать в случае с французским языковым сообществом, тогда как более малочисленные европейские языковые общности (нидерландская, скандинавские), которые уже давно характеризуются тем, что привыкли пользоваться при международном общении иностранными языками, не проявляют подобной сдержанности [26, с. 270]. Одновременно отметим, что в некоторых соседних с Германией странах более благоприятное отношение к английскому языку все еще связано с недавним прошлым, когда нацистский режим Германии проводил открытую политику подавления культур и языков этих народов. Так, в случае с Нидерландами и фламандской Бельгией планировалось намеренное понижение роли родного нидерландского языка до уровня диалекта и закрепление немецкого в качестве официального языка [25, с. 536]. Проводилась политика "онемечивания" населения и в Польше: во время оккупации школьное и вузовское обучение происходило только на немецком языке. Долгие годы и после войны немецкий язык во многих европейских странах рассматривался в качестве языка оккупантов, что, безусловно, сдерживало в этих странах желание людей изучать немецкий язык [21, с. 16], а на бытовом уровне это отношение сохраняется в некоторых странах, например в Нидерландах, до настоящего времени. В этой связи вспоминается, что находясь в мае-июне 1974 г. в Лондоне, я был принят в составе делегации из трех человек в служебном кабинете в парламенте бывшим тогда премьер-министром страны Г. Вильсоном, который, узнав, что я занимаюсь германистикой и преподаю в вузе немецкий язык, заметил: "Почему не английский? Разве вам было мало недавней войны?".

Однако следует ли из подобного хода мысли делать вывод о том, что при языковом оформлении будущих Соединенных Штатов Европы все языковые проблемы будут легко решены, если поскорее покончить с дискуссиями о формах, "еврофонии", а вместо этого предложить один общий европейский официальный язык (*Amtssprache*) в качестве "евроязыка", который станет и единым языком общения объединенных европейцев? Так, немецкий лингвист Т. Иклер (Theodor Ickler) в журнале "Sprachreport", издаваемом Институтом немецкого языка в Мангейме, писал, что после "тщательного" анализа различных вариантов решения английский язык ему представляется наиболее подходящим для того, чтобы выступать в качестве "международного медиума". При этом он полагает, что решение в пользу одного "мирового языка" и, тем самым, прекращение "злосчастной (*unselig*) конкурентной борьбы языков", создаст пространство, в котором будут "шансы для выживания" и всем другим языкам [27, с. 18].

Однако из серии высказанных аргументов по поводу языкового обустройства объединенной Европы в целом для европейских языков складывается несколько странная и противоречивая перспектива. Если Д. Вильд, мнение которого мы приводили в начале статьи, возвышенно и увлеченно заверяет, что новая форма жизни

европейских народов ничего не отнимет у них из того, что имеет отношение к их самосознанию, как, например, язык, то Т. Иклер обещает всем народам лишь "шансы для выживания" их языков, если они прекратят эту "злосчастную" конкуренцию между собой и смиренно "столкнутся" вокруг единственного мирового языка.

В целом, в этой связи, следует поставить вопрос о том, в какой мере подобные предложения могут быть вообще реализованы, если исходить из того, что речь идет о современных наиболее развитых европейских нациях и государствах, имеющих свои собственные культурно-языковые традиции, и возможно ли вообще вмешательство в языковую жизнь народов при достигнутом ныне уровне и объеме функций языков соответствующих стран без того, чтобы при этом для них не возникли отрицательные последствия? Следует также задаться вопросом о том, находятся ли столь радикальные предложения, несколько поспешно сформулированные, в разумном соотношении с проблемами, которые при этом могут возникнуть? И вообще, удастся ли уговорить всех европейцев изучать только один конкретный иностранный язык, независимо от того, какой именно язык хотел бы изучать тот или иной человек? В этой связи Г. Вайнрих писал: "Некоторые люди считают, в частности, вполне реальным делом (*machbar*), чтобы каждый гражданин земли (*Erdenbürger*), который хочет стать и гражданином Вселенной (*Weltbürger*), наряду со своим территориальным языком, изучал бы только один единственный международный язык общения и всемирный вспомогательный язык, с помощью которого можно было бы решать и все надрегиональные проблемы коммуникации, при условии, однако, что весь мир придет к согласию в том, какой именно язык должен им стать" [23, с. 308].

И хотя сам Вайнрих признает, что английский язык, безусловно, является наиболее перспективным кандидатом на эту роль, он, несмотря на это, продолжает отстаивать такую стратегию изучения иностранных языков в Европе, в которой отсутствует единственная ориентация на английский язык.

В целом, однако, следует заметить, что любая риторика в отношении "евроязыков" лишается известного смысла, если не определен однозначно, так сказать, человеческий объект этих усилий. Если иметь в виду чиновников и политических представителей в многочисленных учреждениях и парламентах этого будущего супергосударства, то все проблемы собственного языкового *modus vivendi* они легко решат сами, выбрав, например, окончательно английский язык в качестве "Eurospeak". Если же иметь в виду большинство средних европейцев, то эта тема получает сразу же совершенно иное измерение и при этом возникает много самых различных вопросов. Следует иметь в виду, что значительное число жителей этих стран будут и в будущем практически монолингвами, поскольку свою повседневную жизнь они проживают в привычных формах и не летают каждую пару недель в авиалайнерах в Лондон или Нью-Йорк. К тому же они уже владеют каким-нибудь языком своих соседей, которого им вполне достаточно для привычного общения, как это отмечается и в Бельгии, и в Швейцарии, и в Люксембурге. Кстати, в какой мере жителям Люксембурга английский язык окажется более важным, если исторически они уже привыкли жить с двумя другими языками – французским и немецким, которыми они овладевают, начиная со школьных лет? Интересными в этом смысле являются результаты опроса, который был проведен среди 1120 начинающих студентов из ряда городов Германии (Аугсбург, Трир, Киль), из Хельсинки и Турку (Финляндия) и из Лёвен (*Leuven* – город в фламандской части Бельгии). 70% опрошенных высказались в пользу одного общего европейского официального языка, тогда как примерно 20% настаивали на сохранении имеющегося многоязычия во всех областях жизни. При этом заметим, что речь идет о суждениях студентов, которым в любом случае предстоит изучение иностранных языков, тогда как мнения представителей других групп населения здесь вообще не учитывались. Различными оказываются и языковые ориентиры опрашиваемых в зависимости от страны их проживания. Так, 80% респондентов из Германии считают, что общеевропейским языком должен стать английский язык, тогда как у финских студентов английский язык уступает в пользу немецкого, русского и французского

языков, а также в пользу второго государственного языка Финляндии — шведского. Таким образом, финские оценки указывают на тенденцию больше, чем в Германии, к сохранению европейского многоязычия [28, с. 65–66].

Это мнение финских респондентов следует принять во внимание, если учесть, что в условиях возникших новых трудностей в странах ЕЭС при первых конкретных шагах по реализации Маастрихтских соглашений (бюджетный дефицит, повышение цен, государственный долг стран-участниц) спешно предпринимаются усилия по включению в состав участников объединенной Европы Австрии, Норвегии, Швеции и Финляндии, мнение которых, как показывают результаты опроса в Финляндии, не обязательно должны будут совпасть с тем, как по этому поводу думают в Германии или в любой другой стране ЕЭС.

Кстати, попутно заметим, что всемирно известный language gap ("языковой пробел") американцев в значительной мере объясняется тем обстоятельством, что среди американских учащихся старших классов только 15% изучают какой-либо иностранный язык, при этом лишь 5% этого числа изучают его более, чем два года [23, с. 309]. Стоит ли решением в пользу английского языка в качестве единственного европейского языка общения невольно способствовать тому, чтобы такое неблагоприятное развитие в американском обществе сохранялось и далее?

Представляется, что в настоящее время европейцам, еще не построившим своего общего дома, вообще не следует так настойчиво, как это делает в Германии уже упоминавшийся Иклер, предлагать английский язык в качестве общего "евроязыка" ("Eurosprak"). Тем более, что, помимо уже вновь приглашенных четырех стран Европы, о которых шла речь выше, членами общего надгосударственного образования хотели бы стать многие постсоциалистические страны Восточной Европы, которые, помимо общего интереса к английскому языку, сохраняют традиции особых языковых отношений с Германией или Австрией (Венгрия, Словакия и др.), о чем свидетельствует и обстановка "сущего ренессанса", который переживает немецкий язык в этих странах, что создает серьезную конкуренцию даже английскому языку [29, с. 217].

Говоря о создании объединенной Европы, следует также отметить, что все разговоры об английском языке как единственном средстве общения в интересах будущего "государства государств" выглядят несколько преждевременными, поскольку более точные контуры этой надгосударственной конструкции еще окончательно не обозначены. По сути дела еще не до конца ясно, имеется ли в виду союз государств или союзное государство или сообщество государств нового типа, связанное экономическими интересами. Судя по всему, датчане и британцы выступают пока против развития более тесных форм политических связей, тогда как немцы, испанцы и итальянцы и правительства стран Бенилюкса стремятся к более тесному союзу, а позиция Франции остается пока неясной. Так, видный политический деятель правящей партии Великобритании М. Тэтчер в интервью, данном ею в конце 1993 г. для журнала "Der Spiegel" прямо заявила, что относится вообще нетерпимо к "идее федеративного государства Европа". При этом она откровенно сказала о том, что немцы таким путем стремятся не к тому, чтобы укрепить Германию в Европе, а к тому, чтобы укрепить (нем. verankern) остальную часть Европы в Германии. Помимо этого она не считает полезным для "финансового здоровья" европейских государств введение единой валюты, подчеркнув, что если бы она была представителем Германии, то непременно сохранила бы и бундесбанк (Федеральный банк ФРГ) и немецкую марку. Рассуждая далее о своих опасениях по поводу отрицательных последствий столь тесного объединения, М. Тэтчер отметила также, что Германия, не добившись у себя той степени структурных преобразований своей промышленности, как это, по ее словам, удалось сделать в Великобритании, после объединения попытается переложить часть своих высоких расходов на плечи других стран объединенной Европы. Любопытно отметить, что М. Тэтчер, которая продолжает оказывать серьезное влияние на позицию своей страны в международных вопросах, столь же сдержанно относится, в особенности после объединения Германии, к попыткам

Германии укрепить свои позиции в ООН путем возможности получения постоянного места в Совете Безопасности. На поставленный на этот счет вопрос германского журналиста она недвусмысленно ответила, что в таком изменении нет никакой необходимости, поскольку Франция и Великобритания уже представлены в этом органе и данное место по праву принадлежит такой стране, как Индия, а для Германии это рано еще и сейчас, почти через 50 лет после окончания войны [30, с. 174–175].

С другой стороны, и в самой Германии, в частности в руководстве баварского крыла партии федерального канцлера Г. Коля, растет критицизм по поводу как темпов продвижения европейских государств к единству, так и по поводу объема компетенций, передаваемых в общую Европу, что грозит "разрушением изнутри" (*Aushöhlung*) немецкой государственности. Все это побудило канцлера Германии Г. Коля, все же "сменить риторику": великое словосочетание "Соединенные Штаты Европы", которое Г. Коль заимствовал у Уинстона Черчилля, с недавних пор оказалось вычеркнутым из текста его речей [31, с. 18–21]. Одним словом, одобрение Маастрихтских соглашений не только явилось толчком в развитии процесса европейской интеграции, но, одновременно, поставило на повестку дня много новых принципиальных вопросов, на которые еще не найдены исчерпывающие ответы. Тем более уместно не торопиться с решением вопросов участия национальных европейских языков и целесообразности выдвижения идеи европейского *lingua franca*.

Любое языковое планирование должно принципиально исходить из того, что, говоря словами немецкого германиста Р. Познера (R. Posner), и при "сращении обществ и цивилизаций Европы" должно сохраняться "многообразие менталитетов" европейских народов, а поскольку язык является важнейшей опорой менталитета, то должно сохраняться и многообразие языков в Европе. Присущая современным государствам "языковая монокультура" может быть преодолена, по его мнению, за счет того, чтобы отдельные языки и культуры "по возможности сильно" интегрировали друг с другом, так, что в конечном счете возникает многоязычие, "полиглотный диалог" ("*polyglotte Dialog*"), что станет обычным правилом общения между европейцами с различными родными языками" [32, с. 4].

Возможно и эти прогностические предложения Р. Познера будут отвергнуты самой жизнью людей, но и они исходят из того положения, что срастающаяся воедино Европа, говоря словами германиста Й. Борна (J. Born), "не может позволить себе отказаться от плюрилингвального характера", а весь процесс интеграции "не должен привести к англодоминирующему плавному тигелю", не должны возникнуть никакие "полуатлантические" ("*cisatlantisch*"³) "United States of Europa" [33, с. 2].

Развитие способности к многоязычию, которое всегда реализуется только индивидуально, как это мы наблюдаем в Швейцарии или в Люксембурге, может происходить лишь постепенно, путем взаимного изучения языков своего окружения, своих соседей. В связи с этим Г. Вайнрих писал: "Для дальнейшего развития европейских сообществ, которые хотят стать не только административными и технократическими конструктами, представляется необходимым и в высшем смысле разумным, чтобы европейские нации в своем языковом поведении (*Verhalten*) самым серьезным образом принимали бы участие друг в друге и проявляли бы искреннюю заботу друг о друге" [23, с. 312].

Важнейшим местом, где можно начинать изучать иностранные языки, является, безусловно, школа. В этом смысле часть общеевропейской "трагедии" состоит в том, что именно в последние годы повсюду в Европе происходит сокращение времени на преподавание языков в средней школе, тогда как требование сохранения европейского многоязычия как основы для такого единения становится все более "очевидным".

³ *Cisatlantisch* – словарное образование, в котором компонент *cis* (*das Cis*), означающий в музыковедении "тональность", "знак тональности" (*cis-Moll*), используется для подчеркивания зависимого отношения к признаку: *Cisatlantisch* – "находящийся по эту сторону Атлантики", "на тональность отличающийся от атлантического" (имеется в виду Североатлантическое сообщество стран под руководством США), т.е. "зависимый от атлантического" (сообщества). Ср. лат. *cis* "по сю сторону, с этой стороны".

Говоря в связи с этим о практике школ в ФРГ, немецкий дидакт и политолог К. Шрёдер (K. Schröder) обращает внимание на то обстоятельство, что здесь, "за пределами гимназии", практически можно изучать только один английский язык и все попытки расширить "территорию" для изучения других иностранных языков (в системе различных курсов и т.д.) оказались безуспешными [28, с. 67]. В этих условиях любая смена стратегии в преподавании иностранных языков в школе в направлении на один единственный язык как будущий язык общения Европы обречена на провал, поскольку создаваемый этим хаос на территории европейских государств потребует целых десятилетий, прежде чем повсюду утвердится новое языковое урегулирование. Даже одно лишь простое перераспределение приоритетов в выборе преподаваемых языков вызывает необходимость подготовки новых кадров специалистов языка, переквалификации преподавателей других языков и т.д.

Идея введения в Европе одного общего языка общения, при всей привлекательности английского как действительно мирового языка, представляет собой новую лингвистическую утопию, иллюзию, которой не суждено сбыться. Говоря об этом, К. Шрёдер заключал: "Более чем 400 лет в Европе осуществляется языковая политика и длятся языковые споры: целые регионы подвергались испанизации, романизации (französisiert), германизации, англизации или русификации. Поздние последствия такой политики проявляются в многочисленных региональных конфликтах, нарушающих западно- (и восточно-) европейскую стабильность. Во всех этих конфликтах присутствует лингвополитический компонент. Вывод о том, что последовательная регионализация по этническому признаку является единственной серьезной предпосылкой к длительному европейскому единению, лежит на поверхности. Центральное управляемая в языковом и культурно-политическом отношении Европа не может вообще состояться (nicht realisierbar); если бы это произошло, то это стало бы образованием, постоянно подверженным опасности гражданской войны (bürgerkriegsanfällig) [28, с. 64].

В заключение можно сказать, что пусть послужит создаваемой новой единой Европе пример небольшого европейского многонационального государства – Швейцарии, в которой в условиях многовекового мирного совместного существования четырех различных этнических групп выросло федеративное государственное сообщество, в котором ни одному из языков, независимо от числа его носителей, а также от того факта, что федеральная столица страны – Берн находится на территории немецко-язычного кантона, не были предоставлены особые права и полномочия и в котором, в условиях естественной близости друг к другу, многие швейцарцы легко пользуются различными языками страны таким образом, что вопрос об одном общем языке общения даже не возникает как тема для разговора. Многоязычие в будущих Соединенных Штатах Европы, если дело дойдет до образования такого супергосударства, будет развиваться в тех формах и направлениях, которые будут соответствовать необходимым потребностям общения самих европейцев. Если бы в нынешних странах ЕЭС проводился опрос относительно языкового объединения Европы, то языковой Маастрихт на референдуме был бы отклонен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schmidt H. Vorwort // Monnet J. Erinnerungen eines Europäers. München; Wien, 1978.
2. Wild D. Europa Patria // Der Spiegel. 1992. 44.
3. Hauck W. Die Amtssprachen der Schweiz. Anspruch und Wirklichkeit // Deutsch als Verkehrssprache in Europa / Hrsg. von Born J. und Stickel G. Berlin; New-York, 1993.
4. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
5. Bruch R. Grundlegung einer Geschichte des Luxemburgischen. Luxemburg, 1953.
6. Grégoire P. Zur Literaturgeschichte Luxemburgs // Das Wartjahrbuch. Luxemburg, 1959.
7. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
8. Der Fischer Weltalmanach 1985: Zahlen, Fakten, Hintergründe. Frankfurt-am-Main, 1984.
9. Moser H. Geleitwort des Herausgebers // Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache im Elsaß und in Lothringen. (Duden-Beiträge, Hf. 7). Mannheim, 1962.

10. Hartweg F.G. Sprachkontakt und Sprachkonflikt im Elsaß // Sprachkontakt als Ursache von Veränderungen der Sprach- und Bewußtseinsstruktur. Eine Sammlung von Studien zur sprachlichen Interferenz. Innsbruck, 1981.
11. Pfromm R. Einleitung // Nationalsprachen und die Europäische Gemeinschaft. Probleme am Beispiel der deutschen, französischen und englischen Sprache. München, 1989.
12. Ситрин Д. Язык, политика и американская национальная общность // Диалог – США. 1991. № 47.
13. Kern R. Interferenzprobleme bei deutschsprachigen Belgiern // Sprachkontakt und Sprachkonflikt. Wiesbaden, 1980.
14. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
15. Вахтин Н. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб. 1993.
16. Губозло М.Н. Современные языковые процессы в СССР по данным Всесоюзной переписи населения в 1989 г. // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы описания контактных явлений. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции (Ленинград, 12–14 марта 1991 г.). Л., 1991.
17. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Национально-языковые отношения в России на современном этапе // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.
18. Paque R. Sprachpolitik ist nicht nur Sache des Sprachunterrichts // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1987. N 201, 1.09.
19. Born J. Podiumsdiskussion, Moderation und Einleitung // Deutsch als Verkehrssprache in Europa / Hrsg. von Born J. und Stickel D. Berlin; New-York, 1993.
20. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in Europa und in der Welt im Verhältnis zu ihrer Stellung in den EG-Gremien // Sociolinguistica. Internationales Jahrbuch für Soziolinguistik, Bd 5. Tübingen, 1991.
21. Stark F. Faszination Deutsch. Die Wiederentdeckung einer Sprache für Europa. München, 1993.
22. Witte B.S. Dialog über Grenzen. Beiträge zur auswärtigen Kulturpolitik. Pfullingen, 1988.
23. Weinrich H. Wege der Sprachkultur. Stuttgart, 1988.
24. Weinrich H. Deutsch für Köpfe // Kultur-Chronik. Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland. 1986. № 5.
25. Ammon U. Die internationale Stellung der deutschen Sprache. Berlin; New-York, 1991.
26. Ammon U. Schwierigkeiten der deutschen Sprachgemeinschaft aufgrund der Dominanz der englischen Sprache // Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 1989. 8, 2.
27. Ickler Th. Zur Sprachpolitik der EG // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. 1991. № 1.
28. Schröder K. Eine Sprache für Europa // Wort und Sprache. Beiträge zu Problemen der Lexikologie und Sprachpraxis veröffentlicht zum 125 jährigen Bestehen des Langenscheidt-Verlags. Berlin; München; Wien; Zurich, 1981.
29. Földes Cs. Deutsch als Verkehrssprache in Ostmitteleuropa – am Beispiel Ungarns // Deutsch als Verkehrssprache in Europa / Hrsg. von Born J. und Stickel G. Berlin; New-York, 1993.
30. Spiegel-Gespräch "Ihr wollt den Rest Europas". Margaret Thatcher über Engländer, Deutsche, Französer und die Zukunft des Nationalstaats // Der Spiegel, 1993, № 43.
31. Europa. Der letzte Europäer // Der Spiegel, 1993. № 45.
32. Posner R. Maximen der Sprachverwendung im europäischen Kulturleben // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. 1992. № 2–3.
33. Born J. Deutsch in der Europäischen Gemeinschaft-zweitragig? // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache, 1990. № 3.